

Знания и писательский опыт — из прочитанных книг. Гоголь, Чехов, Аксаков, Бунин, Л. Толстой, А. Толстой, Л. Леонов, М. Булгаков, М. Шолохов... много... и наш А. Бушков. Но главные вдохновители — люди. Среди которых рос, учился, служил. Творил через призму причинности. Днём — канцеляристом, ночами — сердцем. Пример? Почему старый слепой Исаак по обману Ревекки благословил младшего сына Иакова, а после, когда вскрылся обман, не смог благословить и старшего сына Исава? (Бытие, 27) Что здесь тайное? Нашёл. Появился рассказ «Смерть отца».

СМЕРТЬ ОТЦА

Недлинное детство Каверина оборвалось смертью отца, внезапно.

...В тот хмурый осенний день, когда после занятий в школе Павел Каверин с братишками, Колькой и Лёнкой, собрались за обеденным столом, к ним неожиданно пришёл Измestьев, бригадир плотничьей бригады, где работал отец. Высокий, чёрной бородой похожий на цыгана, Измestьев ссутулился, проходя через дверь, да так и остался, с понурой головой. Внимательно оглядел полуиспуганно притихших ребятешек. Огромной, как клешня, ручищей стянул с головы потёртую кроличью шапку.

— Приятного аппетита... Мать-то где? — продолжил, дождавшись нестройного детского «спасибо».

— В школе ещё, — раньше других успел с ответом второклассник Лёнка.

— Я за тобой, Павел, — с какой-то глубинной суровостью глянул на Каверина Измestьев. — Батьку твоего зашибло сильно... Велел тебя привести.

— Как зашибло?.. Куда привести? — только и нашёл что ответить.

— Бревно со сруба сыграло... С утра-то изморозь, скользко... оно и сыграло... Вот... А батька твой как раз внизу лесину тесал... Вот комлем его в поясицу и шибануло... да потом ещё и к земле придавило, с размаху... — как-то заученно и неохотно, видно не

в первый раз, объяснил Измestьев.— Мы его в район... сразу... доктор говорит: не жилец... Да Матвей и сам понимает, в сознании... Вези, говорит, первенца моего, Павла, скорей, благословлю, покуда живой. Одевайся, председатель свой «газик» отдал.

В каком-то полусне заехали в школу за матерью. Измestьев по дороге повторил ей почти дословно то, что рассказал детям, добавил только:

— Быстрей хотели... успеть, до снега, в сезон чтоб... нонче орех был, белки много в тайге... вишь как...

Потом ехали молча.

Не прошло и двух лет, как на глазах Каверина умирающий дед благословлял отца. Тогда хоть и жалко было деда, но всё казалось естественным: уходящий из жизни старый охотник и воин передавал своему сыну незримое, но очень важное — причастность Богу. Дед не раз с горечью говорил внукам: «Правда и вера наша не с попами в церкви, а в сердцах наших, земле нашей и у Бога нашего. Попы не Богу, а власти служат. Власти и попам перечить не надо, но веру нашу и землю нашу — пуще жизни берегите. Крест берегите, что в душах ваших. Только он и есть путь к различению, что от Бога дадено, а что животу положено. Помните свято и сторожите. Как откроете сердце для обмана, допустите веру чужую, так и не станет ни нас, ни земли нашей, ни Бога нашего. Всякое что ни есть зло — оно от дармоедства. Зло не может жить само по себе. Не ищите его в стороне — оно в каждом сидит. Оно — в слабостях наших, из себя-то его, дармоедство, и гоните... Соками добра питается зло, оно всегда, как пиявка, лепится к тому, кто творит. Не теряйте различения, будьте сильными и не попускайте злу».

Забившись в угол на заднем сиденье, Павел вспомнил свой последний разговор с дедом о смерти: «...Деда, а ты, когда придёт зима, умрёшь?» — «Зима... Когда придёт моя зима, конечно, умру...» — «И я, когда придёт моя зима, тоже умру?» — «Тоже умрёшь, все умирают, когда приходит их зима». — «Деда, а как сделать, чтоб не умереть, когда придёт зима?» — «Да как так сделать?.. никак... Ты ж не Бог, придёт время — и умрёшь...» Каверин, мальшонок Пашка, замер тогда перед невероятно тяжёлой задачей: как же ему сделать так, чтоб, когда наступит зима и все умирают, НЕ УМЕРЕТЬ?

До райцентра от деревни — километров тридцать, по времени — чуть меньше часа пути. В больнице, в белом халате и колпаке, их встретил хирург Сеначев, пожилой дядька, заменяющий, из-за отсутствия, врачей всех других специальностей.

Он внимательно посмотрел на небрежно из-за спешки вымытые кирзовые сапоги Каверина. Заставил всех переобуться в принесённые санитаркой тапочки и надеть белые накидки, а затем, оставив мать в коридоре, повёл мужчин за собой. Мать, образованная женщина, покорно, без звука, смирилась с несправедливостью судьбы: вначале к её умирающему мужу подходит её первенец, сын. Женщине при этом быть не положено.

Большая, человек на восемь, палата была почти заполнена. При виде Сеначева все, кто мог, встали.

— Вот, — доктор, приобняв Каверина за плечо, подвёл его к кровати, — ему обезболивающее поставили, говорить может свободно.

Знакомая коротко стриженная борода над бледным лицом, тёмные кисти рук поверх белой простыни и — горящая свеча, стакан с водой на тумбочке у изголовья... Защемило тогда сердце от боли, но все, кто был в палате, ожидали от Каверина мужества, и он шагнул вперёд. Приблизил, нагнувшись, свою щёку к губам отца, уловил его дыхание и тепло, прошептал:

— Батя, это я...

— Павел, сынок... — отец открыл глаза и, подняв руку, притянул голову сына к себе, задержал. — Сядь.

Впервые в жизни Каверин ощутил отца так близко, так остро учуял его терпкий родной запах. Повинуясь, он, не выпуская из рук ладонь отца, присел на краешек кровати, напрягся, внимательно глядя в его глаза.

— Я передаю в тебя своё дыхание, — тяжело, с остановками, начал отец.

— Я принимаю в себя твоё дыхание, — Каверин хорошо знал, что следовало отвечать и делать.

— Я передаю в тебя свою речь.

— Я принимаю в себя твою речь.

— Я передаю в тебя своё зрение.

— Я принимаю в себя твоё зрение.

— Я передаю в тебя свой слух.

— Я принимаю в себя твой слух.

— Я передаю в тебя свой вкус.

— Я принимаю в себя твой вкус.

— Я передаю в тебя свои удовольствия и неудовольствия.

— Я принимаю в себя твои удовольствия и неудовольствия.

— Я передаю в тебя своё блаженство.

— Я принимаю в себя твоё блаженство.

— Я передаю в тебя своё движение.

— Я принимаю в себя твоё движение.

— Я передаю в тебя свой разум и своё познание.

— Я принимаю в себя твой разум и твоё познание.

— Я передаю в тебя своё различие.

— Я принимаю в себя твоё различие.

— Я передаю в тебя свой Дух.

— Я принимаю в себя Дух твой, отец. И клянусь...— Каверин набрал в грудь воздуха, чувствуя, что вступает на Путь, с которого ни свернуть, ни возвратиться назад уже нельзя,— клянусь жизнью и честью моей, всем, что есть у меня от Творца, клянусь спасти и сохранить Дух твой, отец.

— Иди, с тобой Бог, сын мой,— отец высвободил свою руку, поднял ладонь, напутствуя.

— Душу твою прими и спаси Бог, отец мой,— обернувшись через левое плечо, утирая хлынувшие слёзы полóй болыничной накидки, выговорил Каверин последние слова ритуала и выбежал, рыдая, в коридор.

Рано, в неполные четырнадцать лет, легла тяжесть мужества на неокрепшие мальчишеские плечи Каверина. Выручила, спасла семью тогда деревня. Мужики его приняли за ровню, при встрече подавали руку. Вспомнил, как однажды после уроков он успел сбегать в тайгу и с гордостью со дна корзины, полной лисичек, одного за другим вытянул четырёх рябчиков, сбитых из дедовской ещё! «стволки». Припала тогда строгая и сдержанная мать к его груди, задрожали её плечи: «Добытчик...»

И только потом, через годы, Каверин понял, почему теплели суровые лица незнакомых мужиков, когда он называл своё имя, по какой причине возле дома оказывался, так, мимоходом, вóлок сушин на дрова, отчего ему не отказывали в бензопиле — великой в ту пору ценности, почему их огород пахался одним из первых и бесплатно, почему их корова всегда была с сеном... Всего и не упомнишь, но причина всему была — те незримые образы: его отца, Матвея Павловича, и его деда, Павла Матвеевича Кавериных, образы, что постоянно были над ним и с ним, с Пашкой Кавериным, и их добрые дела и добрые отношения к людям возвращались уже к нему, к Пашке, делами вполне зримыми и осязаемыми. И только потом, много лет спустя, Каверин понял, что именно эти два крыла — людская память о добрых делах его отца и деда — удержали его и всю семью от падения в нищету и безысходность, что именно они,

его близкие, а с ними и далёкие предки благословением своим несли по жизни его, Павла Матвеевича Каверина.

Рано, до обидного рано ушли из жизни дед и отец Пашки Каверина. Невероятную по тяжести ношу — осмысление Бытия и Духа — оставили они на его неокрепших плечах. Но главное они сделали: Каверин видел Цель и Путь. А ещё в его сердце был завет — благословение отца — то, что нельзя отнять никакой силой и никаким обманом.

ЛЕКАРСТВО ОТ БЕССОННИЦЫ

Рассказ-исповедь

Если вы думаете, что я хочу на кого-то пожаловаться, то это полная глупость. На кого? На свою бабу, с которой я прожил чёрт знает сколько лет? На нашу козу Маньку? На свою жизнь? Да мне, если ничего не случится, через месяц исполнится семьдесят восемь. Мой давнишний дружок Витёк, мы с ём с первого по седьмой класс за одной партой сидели, мне уже давно говорил: «Вовчик, да мы с тобой ископаемые динозавры. Люди по столько сколько мы с тобой, не живут!» А и действительно, из всего нашего класса мы уже давно с ним вдвоём по жизни телепамся...

Ну так вот, я о бессоннице. Если честно, пока я на ферме работал, да потом ещё сколько-то, у меня никакой бессонницы не было. Мечта была одна: только бы до койки добраться. А сейчас... Лежу, лежу, уже наш петух Петя кричать начинает, а я ещё и глаз не смыкал. И что вы думаете: что-то путное в голову лезет? Одна хрень, даже вам рассказать стыдно...

Ну так вот, нашёл я лекарство. Примерно за час-полтора до отбоя наливаю неполный, ну, примерно на два пальца не доливаю, стакан. Поллитровки как раз на три раза хватат. Хлоп! — и до утра сплю как младенец. Одна беда: вставать тяжело. Но тут уже неволя — управляться надо. Хотя чего там управляться-то? Ведёрко с пойлом для козы Маньки отнести да курям в кормушку сыпануть... В загоне у Маньки чего не чистить? — не корова, гороху ейного и на лопату не наскребёшь. Но ведь какая дрянь, эта коза! Покуда пойло тянет, ещё ничо, а потом, ежели замешкаюсь да спиной повернусь, так поддаст под задницу, ажно селезёнка ёкат! Не зря об таких говорят: «Не накормивши да не напоивши, врага не наживёшь». Ну да всё оттого, что коза. Вы только в глаза ейные бесстыжие поглядите: одно слово — козья рожа!

С козой вообще история отдельная. У нас, покуда внуки на лето ездили, своя корова была, и бессонницы никакой не было. А потом подумали: куда нам двоим столько молока? Продали корову-то. А литрову баночку у соседей брали. Потом уж, когда и соседи без коровы остались, молоко начали из магазина брать...

Ну так вот, говорю как-то бабке: «Ты бы сварила творожку своёго, магазинный невкусный какой-то...» Та как словом, так и делом — приносит из магазина три пакета молока, выливает в кастрюлю, проквасить чтоб. А оно не киснет! Проходит неделя, а в кастрюле клейстер образовался, голубой да вонючий! Я эту гадость даже собаке предлагать не стал — вылил на помойку. Вот после-то, в три дня, нашёл в деревне козу дойную да и привёл на своё несчастье. Про магазинное молоко, когда спросил у агронома, так он говорит, что делают молоко из белого порошка — меламина называются. В Китае-то за этот меламин расстреливают — сильно вредный, говорят, а у нас ничо, будто так и надо...

А в нужник вот с похмелья хоть не ходи. Рези такие, что из глаз больше вытечет... Всё от водки этой, палёной. А куда деваться? Она ж у Таньки Кубометры почти вдвое дешевле, чем на витрине. Почему Кубометра? Да потому что у ней что вдоль, что поперёк, что сбоку — всё одинаково, а ножки тоненькие, будто от другой бабы... Но я с ей дружу. А как ещё? Она же и займы, под пенсию, даст. Продавщица она давнишняя, когда в магазине этом ещё сельпо было... Это щас вывеска висит: «У Рустама». Свалился же на нашу голову Рустам этот... Магазин перегородил, отдельный вход сделал, там — «Шаурма». В «Шаурме» два евонных земляка работают, круглосуточно. А магазин за стенкой — только до девяти вечера, потому как после девяти в магазин никто не ходит. А кто придёт за шаурмой в два, в три часа ночи? Наркоту они там торгуют, а не шаурму. Управы на их нет...

А с водкой вообще беда. Со стаканом бабке на глаза хоть не попадайся. Сразу блажить начинают: «Когда же ты подохнешь от водки этой?! — и крестится: — Хос-с-споди Ты Боже ж-ж Ты мой! Прос-с-сти Ты мою душ-ш-шу греш-ш-шную!» — «Ласточка ты моя подколодная! — говорю. — Да откуда ж у меня после молитвы такой здоровья прибавится?»

Витёк на ту беду как-то присутствовал, советует: «Чо ты, по-человечески в гараже, али в туалете выпить не можешь? Чо ты иё травишь, в глаза к ей со стаканом лезешь? А вообще, своя, родная бабка так вести себя не должна...» Я тоже так думаю, что не должна. Уж было сменить решил. В моём-то

возрасте — ого! — вообще не проблема. Мужики-то все пере-мёрли, в деревне — через двор — бобылки да одиночки. Какую хошь выбирай. Ну, я-то мужик обстоятельный, с прицелом, пару приблизительных заходов сделал. И чо вы думаете? Одна хрень. Все бабы на свете одинаковые...

Ну так вот... Моя-то бабка, по всему видать, или моё настроение на ейный счёт почуяла, али подслушала, как я в нужнике крях-тю да плачу, говорит как-то за ужином, участливо так: «Ты бы сходил в медпункт к фельшерице Жанне за таблетками снотворными, глядишь — и водку пить не надо будет, болеть не будешь...» Ну, особого ума я за бабкой-то никогда не замечал, а тут прислушался...

Хотя я Жанну эту совершенно без доверия принимаю. Высокая, красивая, в райцентре у Рустама живёт. Он ей ино-морочку, чтоб к нам в деревню на работу ездить, подарил. У ней только и разговоров: «Мой муж, мы с мужем, мне муж...» Какой он ей муж? Маленький, толстый, губы вечно висят мокрые... И жена у его где-то в тёплых краях живёт, с ребятишками. Он к ей три раза в год ездит, деньги возит. Про Жанну Витёк точно сказал: «Лань породистая, да дура. Кабы небо чуток ниже было, так она бы от гордости его своим носом всё исцарапала».

Ну так вот, мне выбирать не из чего. Надел чистые кальсоны, рубашку, что понаряднее, выбрал... Прихожу. Так, мол, и так, Жанна Валерьевна, рассказываю. А она, пустоглазая, смотрит скрозь, будто за моей спиной на стене картина красивая, а я вроде помехи: «Вам, дедушка, в районную больницу надо, к психиатру, она у нас врач опытная, нужные таблетки и выпишет». Такая у меня злость в груди поднялась! «Спасибо,— говорю,— Жанна Валерьевна, прям щас и бегу, ажно шуба от ветра заворачивается! Что мне, дурачку, энти двенадцать километров не пробежать? Для бешеного волка и сто километров не круг!» Выскочил на улицу, а там ейная букашка розовая стоит. Хотел было пнуть, да передумал: машина-то здесь причём? Ну и в магазин к Кубометре за лекарством...

Раньше-то, когда я фермой заведовал, мне энта гадость и по-вовсе не нужна была. Ну посудите сами. День в коровнике наво-лохаться, особенно в праздник: и за скотника, и за доярку, и за электрика,— народ-то весь в загуле... Домой приползёшь, а там свои две коровы, два быка годовалых, три поросёнка, овец десяток. Детей-то чем кормить? К ночи — только до подушки, ника-кого снотворного не надо. А утром с первыми петухами подъём: у себя управишься по-быстрому — да на ферму. Там — сто два-дцать коровок. Кормилицы. Они ж как дети — без ухода никак...

А всё Струков Михаил Петрович, председатель колхоза. Ох и мужик был, царство ему небесное! Людей насквозь видел. И берёт.

Я когда с армии вернулся, недели не прошло, вызывает меня в правление: «Вот что, Владимир Николаич, ты парень самостоятельный, рукастый, непьющий. Назначают тебя заведовать фермой. Это приказ. А что молодой, так это скоро пройдёт. Помощь какая нужна будет — дорогу ко мне знаешь». А сам всё левый локоть простреленный поглаживает. По всему видать, болел он у него. И пальцы не гнулись, так грабелькой и были. В самом конце войны пулю получил. Ну, энто он со мной так. А вообще с народом советовался. Нужда, к примеру, в детском садике возникла. Собирает Петрович собрание. Так, мол, и так. Вот смета. Всё за счёт трудодня. Берёмся? Кто за? Против-то и не был никто... И всё так: и мельница, и пекарня, и маслобойка... Да что там — как отец для всех был. Пока беда не пришла.

Энто в шестьдесят третьем... Нет, вру. В шестьдесят четвёртом. Или всё-таки в шестьдесят третьем? Ну, в общем, решением партии и правительства всех тунеядцев из Москвы выселили на сто первый километр. Но почему-то тридцать проституток прислали к нам ажно на четыре тысячи пятьсот первый километр. В старой школе сделали для них общежитие. На току работу определили: зерно перелопачивать. Места немного, потому работу разделили на три смены. А они не идут. В столовую три раза в день ходят, а на работу не идут. Ну, приехал из района секретарь Хорошавин, ответственный за агитацию... Пошли Струков с Хорошавиным уговаривать проституток на току работать. А те дверь на крючок — и давай их насиловать. Часа через два, как уж заездили мужиков насмерть, выволокли их на крыльцо и снова заперлись.

Посудница из столовой пошла узнавать, почему красавицы на обед не идут. Вот и узнала. Они уж наобедались...

Мужики хотели было сжечь их живьём, да милиция из района вовремя подоспела, отстояли... А зачем? Я тоже думаю, зря... Ох и горевал народ на похоронах... Бабы были — аж сердце на части рвалось...

Потом уж Плотникова прислали, Олега Алексеевича. Тот не местный был, майор из армии. Армию тогда сокращали — вот он у нас и оказался. Но тоже не хуже Струкова — за людей, за порядок, за хозяйство. Себя не жалел... Мы при ём крепко поднялись. Коровник новый, из кирпича, построили, поголовье чуть не втрое увеличили. Тяжёлых работ не стало, механизация...

Ну так вот... Успокоилось всё как-то, и пристрастился я к рыбалке, из-за карасей. Если кто-то мне скажет, что есть рыба

вкуснее, чем карась в сметане из русской печи, — даже слушать не буду, потому как такой рыбы нет-ту! Косточки? А где вы рыбу без костей видели? Карася же надо есть не спеша, с расстановочкой... Вкус-то, он не сразу подходит...

Карася у нас в пруду навалом. Но вот такой, с ладонь да и побольше, ловится в одном только, узком, меж кустов, месте. Для двоих тесновато. Но как ни стараюсь пораньше придти, там уже Семён Видьманов сидит. Будто с вечера не уходил...

Барахло своё поближе к себе подтянет, чтоб мне места, расположиться где, хватило, да спросит, когда в настроении: «Проспал опять? Или через бабу перелезил да снова задержался?» Ну чо ему на это скажешь? Только и остаётся что крикнуть...

А однажды он разговор затеял: «Ты, Володя, как дочка у меня подрастёт, на ферму её к себе возьмёшь?»

Надо сказать, что к тому времени на ферму устроиться стало уже непросто. И условия, и заработки не то, что когда я начинал. «Да возьму, конечно, она умница и работающая, вся в тебя». А Видьманов, скажу я вам, мужик был редкостный. Здоровенный, как медведь, и в гараже колхозном умел всё: и на станке токарном, и в кузне, и приварить что, и мотор откапиталить. А в уборочную на техничке — так сам же и за рулём. Да, ещё странность за им была: ни гвоздя из гаража, ни зёрнышка с поля — никогда не тасил, не то что наши... Опять же: мы с ём соседи почти, евонный дом через двор от моего, а за всю жизнь он ни разу ни о чём попросить не пришёл. Прислали его к нам на поселение, после лагеря, когда я в армии служил. А дочка-то, Наталья, у него поздняя, моим внукам ровня, хотя он сам-то много старше меня был.

«Но зачем ты её на ферму? — спрашиваю. — Мои-то, все четверо, в город умотали, возвращаться даже и не думают». Тут-то он мне и приоткрылся. «Ты думаешь, что душа человека чище, чем вода в нашем пруду? Бывает так, что дерьма там куда больше, чем в самом засранном коровнике. Я же, Володя, — говорит, — деревенский сам. И думаешь, чего мне в окопах да лагерях больше всего хотелось? Представляю себе, как вечером коровка наша, Красуля, приходит со стадом, а я ей ломоть хлеба с крупной солью с ладони скармливаю и глажу её. А потом, когда мать подоит её, ковшом черпаю молоко прямо из подойника, с пеной. И пью, пью, пью... Картина эта, покуда сюда не приехал, так из ума и не выходила. Вижу её во сне и плачу. Так-то, брат...»

«И как же тебя в лагерь-то угораздило»? — спрашиваю. «Угораздило... Меня в мае сорок первого призвали... А как война

началась, я уже на фронте оказался. Привели нас на линию обороны, заставили окопы рыть... На отделение — одна винтовка с пятью патронами. Винтовка у сержанта. Рассчитал он всех по номерам. „Оружие,— говорит,— подвезут завтра. А пока, если меня убьют, винтовку возьмёт номер два. Убьют номера два, винтовку возьмёт номер три. И так до конца“. Мой номер был восьмой. Он и не понадобился. На следующее утро наша часть попала в окружение. Немец на бруствере встал и командует: „Хенде хох, рус! Шнель, шнель!“ А сам автоматом качает: вылезай, мол, из окопа и к дороге, где всех в кучу стогнали. Потом плен, лагерь, угольная шахта... До того мне всё обрыдло — не пересказать... А тут вербовщики. Российская освободительная армия — РОА. Ну, мы с дружкой и кинулись туда — мысль-то простая: нам бы до линии фронта, а там уж сообразим, как к своим перебежать... Ну, в казарме у немцев порядок: обмундирование, муштра, уставы... В казарме комнаты по десять человек. Выдали записные книжки, чтоб каждый обо всех написал, с адресами: мол, если кто жив останется, то родным сослуживцев весточку пошлёт. А дума-то одна: скорей бы на фронт. Дождались. В ночь перед отправкой объявляют тревогу. Опять же, по десять человек сажают в грузовики. Привезли к какой-то стене. У стены — двое наших пленных с кубиками в петлицах. Нам раздали винтовки и по одному патрону. Построили. Офицер объясняет: „Это командир и комиссар Красной Армии. Стрелять по команде. Кто будет стрелять мимо, станет к стене сам“. Я глаза скосил назад — там два десятка автоматчиков наизготовку. Расстреляли. И сами же закопали тут же. Вот тогда-то я понял, что дороги домой у меня больше нет. Потом уже, в нашем лагере, следовательно пытал меня: „За что ордена немецкие? За что в лейтенанты произвели?“ — „Да никакой я не герой, гражданин следовательно,— отвечаю.— Я же под пулями смерть свою искал. А она видишь как... Ни одной царапины за всю войну...“ А Красуля наша да тот ковшик с молоком парным так видением за мной и шли... Тогда-то и дошло до меня, что не человек себя человеком делает, а делает его человеком коровка. Вот и прошу тебя за дочку свою. Хочу, чтоб человеком стала. Возьмёшь девчонку на ферму?» — «Возьму, Семён». — «А если я раньше помру?» — «Всё равно возьму». — «Обещаешь?» — «Обещаю». — «Ну, лады... Только ты о моём прошлом... Пусть между нами останется... Мне и без того людям в глаза смотреть тошно...»

Семён и вправду недолго после прожил. В то же лето и умер. По-людски. Сходил в баню, надел бельё новое, лёг и умер. Похоже, заранее смерть свою учуял, раз передо мной исповедался...

А тут растащилровка пошла, фермерство. Землю — на паи, технику — кто больше утянет...

И никто из фермеров даже подумать не мог, что хлеб будет дешевле не сеять, чем сеять, коров дешевле не доить, чем доить...

Я-то на пенсию пошёл, на ту беду и годы подъехали, да и бессилие... Отвернулся просто, чтоб горе не видеть...

А вот Плотников отвернуться не смог. Запил, да крепко. «Я,— говорит,— офицер, меня воспитали так, что верховные командиры не могут быть предателями, а они нас предали. И что сейчас делать — не знаю». Так и умер — от сердца. Жена пришла домой на обед, а он лежит в кладовке, и стакан разлитый рядом. Минуты не хватило, чтоб похмелиться. Вот судьба... А какой крепкий мужик был...

Как он помер, коров-то сразу на мясокомбинат свезли. А ферму за зиму растащили, кирпичика не оставили. Что за народ?

А мне всё чаще мысль приходит: прав был Семён, когда говорил, что человека человеком коровка делает. Прав. Потому как без коровки ни деревни, ни всего народа нашего не будет. А будет одна лишь бессонница...

Иду из магазина, а ноги, хоть и зима, сами собой, по привычке, крюк делают к тому месту, где коровник был. Щас на том месте, да и на всём скотном дворе, конопля выше меня ростом.

Я уже заметил: конопля в диких местах если и растёт, то не особо, а всё норовит на пожарищах да где разруха, где горе было. Не зря в ней наркоманы, как мыши, всё лето шуршат — тоже горе себе промышляют...

...Наталья Видьманова с пакетом идёт. Статная, красивая, в отца... А вот одна, ни мужа, ни детей... Идёт, глаза приопустила, а сама-то — взглядом по сторонам так и стрелят: зырк-зырк... Будто рукавички потеряла. Но я-то вижу, что не рукавички она потеряла, а самуё себя.

Подошла поближе: «Здравствуйте, дядя Володя!» — «Здравствуй,— говорю,— Наташенька!»

А по самому сердцу скребёт досада безысходная: обещал ведь Семёну девчонку евонную на ферму взять. Обещал...

Сколько же таких Наташеньек по нашей стране с разорёнными фермами себя потеряли?

Сёдня опять без водки не усну. И на кого здесь жаловаться?

СИНГУЛЯРНЫЙ ГРИБ

Школьное сочинение

Три вещи в мире в особенности гадки:
Безмозглый шах, скупой богач,
Учёный муж, на деньги падкий.

Алишер Навои

Я — Санька Струков. Мне пятнадцать лет, и живу я в Клоповке.

Батя говорит, что фамилия наша произошла от слова «струг» — так называлась большая лодка, на которых казаки ходили водными путями, потому как других дорог не было, от Яика до Амура. А мастеров, которые делали струги, так и прозывали — Струк. Вот мы теперь от того Струка и остались Струковы.

Клоповка — это кусочек города у железнодорожного моста. Почему Клоповка, а не Муховка или Таракановка, я не знаю. Да и мне всё равно. Раньше Клоповка была — о-го-го! А сейчас осталось шесть двухэтажных барачков, да сараи возле них. Всё поносили...

Батя говорит, что нынешнее лето для меня — последние на всю катушку каникулы. Таких уже никогда, до самой пенсии, больше не будет. Потому что после девятого класса экзамены, а там уже станет видно, учиться мне дальше или идти в бригаду ПЧ шпалы тягать. Вы знаете, сколько весит длинная шпала, что под стрелку идёт? Да вам лучше и не знать. А батя её легко на плече переносит. Да, совсем забыл: батя мой в ПЧ бригадирит. Батя говорит, что ПЧ, путевая часть, на дороге есть наиглавнейшее подразделение. Не будет исправного пути — и встанет всё: и скорые, и товарняки, и наливные, — в общем, всё. Но и шпалы тягать, а они тяжёлые, не пробовали? То-то! И я не хочу. Да и батя тоже не хочет. Я хоть и с батю ростом, но вес у меня бараний — дрищ, в общем. Батя говорит: были б кости, а мясо нарастёт. Нарастёт... Когда ещё нарастёт? Батя говорит, что всю свою жизнь положил на то, чтоб его сын в инженеры вышел. А инженеры шпалы не тягают. Учусь я, правда, средне, то есть почти без троек. Нет, не подумайте, что не могу. Ещё как могу, если захочу. Вот хочу только не всегда...

Знаете, у меня есть странность, которая бывает редко. Я не люблю смотреть телик. Нет, не то чтобы вовсе не смотрю: когда мультики старые, хорошие, или о природе — присяду к мамке

ненадолго... А всё остальное, особенно новости, где не говорят, а только по ушам гавкают, — ухожу сразу. Всё равно наутро в голове ничего не остаётся. Вы меня спросите: а что же я делаю? Читаю. Читаю много. Мне батя даже журналы выписывает: «Наука и жизнь» и «Техника — молодёжи». Хорошие журналы. Батя, когда приходит с полочки поддатый, всегда спрашивает, что я там вычитал. Он вообще меня воспитывает два раза в месяц — в аванс и с полочки. Он говорит: если мы с мамкой начнём прятаться, то нам после хуже будет. Да мы уже и не прячемся. Ждём. До прошлого года батя мне ещё «Юный техник» выписывал, а нынче — нет. Пора, говорит, к серьёзной жизни приобщаться.

А ещё у меня уже два года как свой ноутбук с Интернетом, принтером и всякими наворотами... Вот я по всяким сайтам и юзаю. Батя только в порно ходить запрещает, говорит, если узнает — оторвёт мужское достоинство, и тогда всякий интерес сам собой пропадёт. Но, если честно, там и без порно столько всего, что за уши не оттащишь...

Вот и влез я однажды на страничку «Большой взрыв Вселенной». Интересно, аж жуть берёт. Особенно когда в первые секунды Вселенная была в сингулярном состоянии, когда не было длины, массы и времени. Спрашиваю у бати, а он говорит, что в этой теме слабоват и спросить надо будет у нашего соседа по даче профессора Дракони. Ну, думаю, спрошу. Хотя знаю, что батя его недолюбливает, говорит, что с такой фамилией надо бы чертям хвосты крутить, а не студентов философии учить. Однако выбора у меня нет. Изо всех моих знакомых профессор только Драконя.

Ну, выпас я его. А мамка мне советует, чтоб я к Драконе шёл, когда он после обеда выспится. На даче он всегда после обеда спит.

Подхожу к штакетнику:

— Здравствуйте, Эраст Егорович!

А он гудит таким рокотливым баритоном удивлённо:

— Добрый день, юноша! Чем обязан?

В общем, сели мы у него под грибочком, и я ему про свой сингулярный гвоздь в голове всё и рассказал. Мол, всё мне понятно, как Вселенная после Большого взрыва всё расширяется и расширяется, а вот что было до взрыва и в самом-самом начале — непонятно! Как можно говорить о нескольких секундах в самом начале Большого взрыва, если сама Вселенная находится в каком-то

сингулярном состоянии, где нет длины, массы и времени? Если нет времени, то как понять «несколько секунд» и «когда»?

Драконя, скажу вам откровенно, мужик авторитетный. Выше меня ростом, толще раза в три, бородища рыжая до глаз, со лба лысина... Пóтом от него воняет. Не моется он, что ли? Глаза навывают, на месте не стоят, так и зыркают... На мой вопрос он помолчал немного, а потом спрашивает:

— Насколько я понимаю, юноша, математическим аппаратом ты владеешь недостаточно совершенно?

— Точно! Владею совершенно недостаточно. А точнее — вообще никак не владею. Мне бы популярно, в трёх словах... Как из того, что не имеет длины, массы и времени, — из Ничего — вдруг образовались материя, пространство, да ещё и сознание?

Профессор целую минуту, наверное, тарацился на меня и жевал чего-то в себе. Потом говорит:

— Сингулярное состояние? Я легко покажу тебе образно, математики здесь не потребуется.

Он закрутил как попало всеми пальцами рук, состроил зверскую морду, закричал и выпучил глаза. Через губы трубочкой медленно и с натугой начал будто бы выдувать из себя что-то, вроде пузыря из жевательной резинки, должно обязательно лопнуть.

Ничего не выдулось и не лопнуло.

Но у меня вдруг что-то торкнуло в голове: «Он, этот профессор, просто балбес! И правильно, что батя его недолюбливает!»

Надо было убежать из беседки, но, если честно сказать, я побоялся его покрасневшей от напряжения рожи: «Треснет сейчас в лоб — и дух из меня вон! А будет ему за это что или не будет, для меня, дохлого, разницы потом никакой...» Вот и остался...

— Теперь понятно?

— Приблизительно, Эраст Егорович, спасибо!

— Пожалуйста. И добрый тебе, юноша, напоследок совет. Если хочешь доносить свою голову до старости, не задавай больше этот вопрос никому. Всегда помни, что язык не должен работать быстрее мысли в голове. Понятно?

— Понятно, Эраст Егорович, — и в калитку, покуда цел.

А сам злюсь: «Подумаешь, напугал... Кого пугать?» Вы знаете, как живот сам, своим голосом, от страха кричит, когда к нему нож приставлен? Да вам лучше и не знать. Противно кричит. Если б этот Драконя попался ночью нашим братанам в Клоповке, то про свой баритон точно бы забыл и до конца жизни верещал бы тенором... Пусть студентов своих двойками стращает...

Руку напоследок пожал. А ладонь у него вялая, потная и холодная. Как лягушечья лапа. Пока до себя шёл, руку раза три об штаны вытирал, и всё равно пришлось с мылом мыть.

Батя спрашивает:

— Как?

— Балбес он, хоть и профессор...

— Я тоже так думаю. У нас таких, по пьянке сделанных, половина Клоповки. Им вначале нужно нос расквасить, а потом только разговоры говорить. Иначе не поймут.

Бате-то что... У него ладонь — чуть поменьше совковой лопаты. Вы знаете, сколько весит магистральный рельс? Да вам лучше и не знать... А батя его за один конец легко поднимает. Потому в Клоповке его все слушаются. А я где?

Весь вечер, как вернулись с дачи, провалялся на кровати мордой к стенке. На душе муторно, будто дерьма наелся. Вы знаете, какой вкус у души с дерьмом? Да вам лучше и не знать. Противный вкус... И было так, покуда мысль не пришла: «У меня же есть классный друг — дядя Сёма! Уж он-то меня точно выручит!»

Семён Семёныч Гольдман живёт на втором этаже в барачке напротив нашего. Батя его уважает. Кабы не Семён Семёныч, говорит, у нас в Клоповке половина мужиков перемёрла бы от беспохмелки. Вот так!

До пенсии Семён Семёныч тоже работал на дороге. В комбинате питания. «Очень важная работа, — говорит он. — А как же? Каждый день по дороге едут тысячи людей, и все хотят кушать! И кушать хотят правильно! Если кто-то покушает неправильно и его за это снимут с поезда в медпункт, то потом обязательно придут за мной и начнут спрашивать: почему этот человек кушал неправильно? А оно мне надо? Я всегда старался, чтобы люди кушали правильно!» С родителями он приехал в наш город во время войны в эвакуацию, но так и остался здесь. Маленький, сутулый, со скрипучим голосом, с блестящими тёмными глазами и блестящей лысиной над белыми волосами венчиком, ко мне он относится хорошо. Причём со всеми, на улице, он говорит как все и руками делает так же, как наши, клоповские. А когда мы остаёмся вдвоём — говорит и руками делает, будто бы я вместе с ним приехал из его далёкого запада. «За сшчто я тебя люблю,

Сашя? За то, сшчто я тебе самый доверенный человек! Ещё никто, за кого ты просил, не обманул меня. Это дорогого стоит!»

Ну и что с того, если мужики поутру берут у дяди Сёмы чекушку, а с полочки приносят две? Никто ж не заставляет. Не берите! Да и сам он настолько убеждён в правильности своего поведения, что под это имеет даже свою теорию: «Сашя, если не иметь процент с того, что даёшь займы, никакого сшчества не будет! А жить сшчательно, Сашя, это значит хорошо сшчтывать свой гешефт. А сшчтывать можно только то, сшчто хорошо сшчтытаемо. А если есть сшчто-то, сшчто нельзя посшчтывать, это очень плохо». Я его спрашиваю: «Вы же не бедный человек, дядя Сёма, почему же вы не купите себе квартиру в достойном месте?» — «Сашя,— отвечает он,— если я отсюда уеду в другое место, ко мне никто не будет ходить. И где будет моё сшчество?»

На мой вопрос о сингулярном состоянии Вселенной дядя Сёма ответил просто и быстро:

— Сашя, не дури себе голову! Большой взрыв придумали умные люди, сшчтобы вечную и бесконечную Вселенную переделать и сделать её не вечной и небесконечной. Сшчтытаемой! Сшчтобы у Вселенной было начало. А у всего, где есть начало, таки найдётся и конец!

— Зачем?

— Затем, Сашя, сшчто всё, к чему прикасается ростовщик, превращается в золото. Это так. Когда ты помогаешь мне, ты помогаешь всем нам, которые делают планету золотой. Но если ты скажешь, сшчто золото нельзя кушать, и это так. И ты скажешь, сшчто когда вся Земля превратится в золото и пустыню, всем людям будет нечего кушать. И это так. Но тогда все души правильных людей сольются в шестьсот тысяч правильных душ и будут вечно летать над Землёй в блаженстве! Там не надо кушать!

— Но вы же сказали, что у Вселенной, а значит, и у Земли, должен быть конец. Над чем тогда будут летать правильные души?

— Сашя, но я тебе уже сказал, сшчто Большой взрыв придумали специально, сшчтоб Вселенную можно было посшчтывать! А вся Земля из золота — это же так сладко!

Сладко, сладко... Я пробовал лизать мамкину цепочку из золота — никакой там сладости нет.

— А у неправильных людей, выходит, нет никаких шансов получить своё будущее?

— Ну как же, Саша, шанес есть всегда... Но шанес — как любимая девушка, за него нужно бороться. Мы свой шанес купили. Купили вместе с теми, кто могли бы сшчто-то изменить. Вже теперь не изменят!

Что-то очень уж неприятное послышалось мне в словах дяди Сёмы.

— Ну да, посчитать Вселенную, чтоб потом её прикончить? Какая-то придумка у ваших умных людей... Не нравится она мне! А я, дядя Сёма, правильный человек?

Тут Семён Семёныч насторожился. Поднял кверху указательный палец, глаза его, увиливая от прямого ответа, загорелись тёмным огнём:

— Человек, Саша, должен думать то, сшчто в него вложено образованием и воспитанием! Он должен думать правильно!

— А если человек начнёт думать больше?

— Ну, немножечко... А если совсем начнёт думать... Тогда его нужно немножечко убивать!

— За что убивать?

— За то, сшчто кто много думает, тот должен мало говорить, Саша!

«Ну дела... И этот страшает... Сговорились они с Драконой, что ли?»

— Пойду,— говорю,— дядя Сёма.

А он как-то странно-ласково в глаза мне глянул:

— Иди, Саша!

И руку мне между лопаток приложил. Ладонь тёплая, а в груди у меня будто жаба ворохнулась, холодная, скользкая такая...

...Весь день, до самого вечера, просидел за компьютером, пасьянсы раскладывал. Сидел и злился. Вы знаете, как голова трещит от злости? Да вам лучше и не знать. Противно трещит... Карты перекидываю, а в голове серая мысляка грозовой тучей ворочается: «На какую такую уж запретную тему я наступил? И почему за её обсуждение меня обязательно должны прикончить?» Самое интересное, что страха не было. Но любопытство разгорелось такое, что в висках начало тукать. И дотукало: «Даниил Андреевич!»

Леонов Даниил Андреевич живёт на самом краю Клоповки, за мелькомбинатом, где круча горы переходит в отвесную скалу над рекой. Тупичок хорош тем, что дальше ни дороги, ни тропы уже нет. Крохотный домишко его, как он сам называет его — «моя берлога», задней стеной упирается в кручу, а передняя стена стоит на высоком

каменном фундаменте. Забора у него нет. Да и зачем? С двух сторон крутая гора, снизу, под обрывом, — река, а тропинку, шириной в полметра, надёжно охраняет сидящий на цепи пёс Пират.

С Даниилом Андреевичем я познакомился на почте, куда хожу получать свои журналы, а он — пенсию. Очередь-то в окошечко одна... Он, когда увидел мои журналы, первым разговорил меня и пригласил к себе в гости. Высокий, костистый, с седыми, зачёсанными назад волосами и насквозь пронизывающим взглядом голубых глаз, он сам по себе привлекает, но интереснее всего с ним разговаривать. Батя говорит, что дед Леонов занимал какую-то научную должность, но полжизни откатался по лагерям из-за несрастухек с властью. Потому и живёт сейчас отшельником. А Семён Семёныч его вообще терпеть ненавидит, говорит про него, что в каждой деревне — свой дурак. На мой вопрос: «Почему?» — объясняет: «Если он такой умный, то почему такой бедный?» А живёт Даниил Андреевич действительно бедно. Настолько, что я даже стесняюсь к нему ходить в гости. Он всегда угощает меня чаем с карамельками. Как их есть, эти конфеты, если он сам на вид всё время голодный? Хотя компьютер с Интернетом у него стоит на столе. Продвинутый дед...

— Что такое сингулярное состояние Вселенной? Ха-ха-ха, ха-ха-ха!

Смотрит на меня своими синими глазами и смеётся, аж плачет. А чего я такого смешного спросил? Потом, когда он успокоился и слёзы вытер, я ему про всё и рассказал: и про Драконю, и про дядю Сёму, и про то, что оба пригрозили меня грохнуть...

— И вы, Саня, всерьёз поверили этому Гольдману, что древние идеологи решили переделать вечную и бесконечную Вселенную в конечную и невечную? Считаемую? Ничуть! Они были не глупее нас с вами. Они решили переделать то, что им было по силам и деньгам — они решили переделать мировоззрение людей планеты. Как? Пришлось постараться. И чего только для этого не изобрели: материализм с его случайным возникновением жизни, человека, произошедшего от обезьяны, Большой взрыв Вселенной, теорию относительности, квантовую теорию, первичный бозон, теорию суперструн. Нынче вытащили на сцену теорию больших чисел. И зачем, вы думаете, Саня, вся эта антидуховная армия? Ответ на поверхности: только лишь для того, чтобы человек не искал причину своего бытия — зачем он здесь, на этой удивительно красивой планете с названием Земля, — и не мешал достижению их цели — общепланетного господства.

— Так эти теории, оказывается, всё — враньё?

— Что-то — всё, а что-то — отчасти... Представьте себе, Саня, что мы находимся в зале, на огромной стене которого кем-то нарисована самодвижущаяся мультяшная картина. Она называется «Мир». Люди смотрят на неё и думают, что это и есть мир. Но в центре картины, куда можно добраться только по лестнице, находится небольшое, малозаметное снизу окно. Оно называется «окно Божественной причинности». За этим чудесным окном и находится то, что называется «Мир жизни живой». Смотрящему в него становится видно, почему пчела строит соты, почему синица вьёт гнездо, а суслик роет нору, и многое-многое другое. Там станет видно Того, Кто их сотворил и научил творить маленькое своё. А главное, там станет видно, зачем, для чего создан сам человек. Туда можно заглянуть, если сильно захотеть... Только вначале нужно найти лестницу и собрать в себе силы, чтоб добраться до окна... Видите ли, Саня, все учёные-материалисты по сути являются патологоанатомами, вивисекторами Вселенной. Они не замечают Дух Вселенной, того, что она жива. Дух — именно то, чем отличается живой человек от мёртвого. Но если врач смотрит на больного только с позиции анатомии — чему его в основном и учили, то мы будем иметь дело с врачом-недоучкой.

— И всё?

— Практически всё. Беда в том, что все объяснения, затрагивающие области Духа, сразу же получают клеймо мистики, суеверия, мракобесия или ещё что-нибудь из этого ряда. Все материалистические теории исследуют или фиксируют лишь внешние проявления, доступные органам чувств человека. И только через окно Божественной причинности можно увидеть больше, чем дано человеку в ощущениях. Но ты должен увидеть сам. Потому что сколько на свете людей, столько и Путь к Создателю Вселенной. У каждого человека — свой Путь духовного делания. Если же будешь пользоваться рассказами других, то снова увидишь мультик, от которого убежал.

— А духовность — это как?

— Духовный человек имеет чуткий слух к голосу совести, зоркую, далеко видящую интуицию, разум, принимающий открытия...

— Даниил Андреевич, а почему вы об это никому не рассказываете?

— Ну что вы, Саня! Я пытался было... Плохо всё кончилось. Потому что наука, а она вся построена на материалистических принципах, в том числе и на Большом взрыве Вселенной, она

Творца и духовность человека в упор видеть не хочет. И всё, что ей мешает, она уничтожает. Уничтожает беспощадно!

— А меня Драконя и Семён Семёныч поэтому и стращали?

— Поэтому, Саня. Поэтому и я вам советую: пожалуйста, будьте осторожны! Причина и беда всему — алчность. Она безжалостна. Один мой знакомый, моряк рыболовного флота, как-то рассказывал: в кошель с промысловой рыбой попала здоровенная акула. Шутники распоролы ей брюхо, а она долго, пока не сдохла, всё глотала и глотала рыбу, которая тут же из неё вываливалась. Тот же Сеня Гольдман: опутал, как паук, своими кредитами всю Клоповку, братаны ему долги вышибают... а зачем? Жены нет, детей нет, да вообще близкой родни, насколько я знаю, нет. Не для кого копить, и в гроб ему деньги не положат. Уж до смертинки, как говорится, две пердинки... Зачем ему деньги? Спроси — так он тебя же дураком обзовет... Так же можно было спросить у акулы с её распоротым брюхом. Алчность ничем ни объяснить, ни оправдать нельзя. Именно алчность, бросившая вызов Промыслу Творца, поставила человечество на грань самоуничтожения. Планета из золота — то, чего в реальности быть не может, однако спроси у банкира-ростовщика, желает ли он прекратить своё грязное дело? Я сам за него отвечаю: не желает! Но ведь ссудный процент, доведённый до абсурда, будет означать конец всему! Где же та грань, за которую переступать нельзя? Как узнать, высчитать, что за следующим шагом, отжимом у арендатора процентных денег, наступит судный день — пропасть? Рассчитать можно только то, что считаемо. Вот для чего и придумали Большой взрыв, с началом и, соответственно, концом жизни Вселенной. Дело за малым — заставить всех людей поверить в эту чепуху. Поэтому, Саня, все проявления атеизма в науке есть не более чем проявления глупости.

Помолчал, что-то передумывая.

— И поверьте мне на слово, Саня. Глупость в науке далеко не так безобидна, как она может показаться на первый взгляд.

— Как балбес Драконя?

— Согласен, балбес. Их, таких профессоров-балбесов, полно. Они понимают главную свою задачу — прилежно петь в научном хоре, часто даже не понимая слов, которые поют. А им за это — пожизненное содержание и показушный почёт. Горько смотреть... Люди перестали понимать главное: зачаток каждого животного и растения, живущего на планете, живёт и в человеке. В воле человека развить и овеществить в себе любого из них. Но в человеке

есть то, чего нет ни в каком животном,— зачаток Бога. Если же человек развивает в себе алчность акулы, то он и становится акулой, балбесом, не желающим даже думать о своём предназначении в этом мире и о последствиях своего поведения. А тех, кто, сдерживаемый совестью, не пожелал стать акулой, акулья власть заставляет надеть смирительную рубашку на свой дух, своё «я» и убивать в себе зачаток Бога, духовность, быть «как все» — питательной средой, кормом для акул. Когда вы, Саня, начнёте думать дальше собственного носа, вы поймёте, что объединительная сила, фундамент любой политической системы, в конце концов, есть объяснение причинности бытия человека. Ошибочно заложенный фундамент обязательно приведёт к разрушению всей системы. А практика, по словам древних,— это критерий истины...

— Как деньги?

— Да, Саня, алчность может объединить лишь банду воров и грабителей, на большее она не способна. Для порабощения народов планеты годится только материалистическая идеология ссудного процента. Но Творец, создавая человека по образу и подобию своему для самоповторения и продолжения себя в Вечности, не попустит гибели Земли от рук акульей власти, ростовщиков и грабителей. Не для того Он её создавал. Как это произойдёт? Я не знаю, в небесных иерархиях не разбираюсь, не бывал я там. Но убеждён точно: человека, осознающего причинность своего бытия, деньгами победить невозможно. Ведь деньги придуманы для человека, а не наоборот. Знания и убеждённость в своей правоте настолько укрепляют силу духа и силу воли человека, что деньги сами пойдут ему в услужение. Что и должно быть... А шестьсот тысяч душ, блаженствующих над загаженной и опалённой для добычи золота планетой,— это выдумка акульей власти для самооправдания бездуховных преступников, их вариант конца света. А заодно и приманка в западню для тех, кто ищет и сомневается.

— Так что же делать, Даниил Андреевич? Ну не хочу я быть едой для акул и акулой быть не хочу!

— Что делать? Думайте, Саня... Уже одно то, что вы теперь знаете причину всех наших бед, по сути, значит очень много. Как говорят врачи, правильно поставленный диагноз — это гарантия выздоровления.

Помолчал и прищурился на меня, аж мурашки по спине побежали.

— Осмысленный взор на мир через окно Божественной причинности — это и есть истинное мировоззрение.

Многомерная и всеохватная, что означает «всё и сразу», система образных представлений человека о Вселенной и своём месте в ней. Понимание, что человек создан Творцом для самоповторения, продолжения себя в Вечности и Бесконечности. Истина, которая и есть основа всему. Вот что стоит по другую сторону линии фронта с Большим взрывом. Человек, ясно и чётко видящий цель, поставленную перед ним Творцом, обязательно её достигнет! Ведь ясность поставленной цели есть главное условие достижения победы. Удачи, вам, Саня!

...Домой я не шёл, — летел, не чуя под собой земли. Грудь распирало восхитительное чувство, а клубок мыслей, которыми загрузил голову Даниил Андреевич, словно сорвался с горы и, наматывая на себя ещё что-то новое, становился всё больше. Вот она — моя сингулярность! И не надо мне больше врать! Такое счастье — миг истины — человек, наверное, может испытать только раз в жизни. Душа на непонятном языке пела торжествующий гимн. Там, за окном Божественной причинности, в гармонии Живой Природы, обитал Разум Вселенной!

Вы знаете, как от счастья и радости поёт душа? Теперь будете знать. Я с вами делюсь своим счастьем и своей радостью! Бесплатно и без процентов!

...Ночью, уже на рассвете, разбудил страшный грохот. За окном — жуткая картина: из-за реки, с правого берега, громадным катком напозала стена из дыма, пыли, вырванных с корнем деревьев, каких-то досок и железных листов. Позади поднимался, почти до неба, гриб атомного взрыва. А над ним парит, торжествующе раскинув чёрные крылья, гигантская летучая мышь с головой Дракони. Глаза выпучил и визжит на меня оглушительно, будто ткнули его ножиком, только не в живот, а чуть пониже спины: «А-а-а, юноша! Советовал тебе не лезть не в своё дело?! Теперь ты видиш-ш-шь, что такое сингулярный гриб? Ещё две секунды — и ты его почувствуешь! Сейчас-с-с! Твоё время кончится!»

Сел. Протёр глаза. Тишина, никакого грохота. Будильник тикает на тумбочке. «Тьфу ты, мерзость! Теперь я всё знаю про вашу сингулярность! Приснитися же!» И повалился на подушку досыпать дальше.